

ЛАТИФУНДИАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, СОСЛОВНОСТЬ ВЛАДЕЛЬЦЕВ И ОСОБЕННОСТИ МОБИЛИЗАЦИИ КРУПНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ¹

**LATIFUNDIAL LAND OWNERSHIP
IN RUSSIA: PROBLEMS OF FORMATION,
CLASS STATUS OF OWNERS AND
FEATURES OF MOBILIZATION OF LARGE
LAND OWNERSHIP²**

**A. Topilsky
R. Zhitin
M. Oblitsov**

Summary: The article deals with the problem of the formation of latifundial land ownership and its development in the second half of the XIX – early XX century. The features of the change in large-scale land ownership in post-reform Russia are shown, the legislative protection of landlords' possessions from ruinous crushing and sale is analyzed.

Keywords: Russian Empire, landlords, entail, large land ownership, Tambov province.

Топильский Алексей Геннадьевич

кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский
государственный университет имени Г.Р. Державина
a-topil@yandex.ru

Житин Руслан Магомедович

кандидат исторических наук., научный сотрудник,
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина
istorik08@mail.ru

Облицов Максим Анатольевич

кандидат исторических наук., ассистент, Тамбовский
государственный университет имени Г.Р. Державина
Mr.MaximOblitsov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования латифундиального землевладения и его развитие во второй половине XIX – начале XX века. Показаны особенности изменения крупного землевладения в пре-реформенной России, проанализировано законодательное ограждение помещичьих владений от разоряющего дробления и продажи.

Ключевые слова: Российская империя, помещики, майорат, крупное землевладение, Тамбовская губерния.

Особенностью развития аграрного капитализма в сельском хозяйстве России являлся латифундиальный характер местного землевладения. Из 79 млн десятин, имевшихся в распоряжении помещиков, в 1905 году на долю крупных форм собственности приходилось 55 % совокупного земельного фонда (44,5 млн десятин). По этому показателю Россия значительно обгоняла остальные европейские страны. По подсчетам А.М. Анфимова, занимавшегося сравнительной характеристикой российского и немецкого аграрного сектора, латифундии русских магнатов было в 2,8 раза крупнее прусских, а вся общая площадь наших латифундий в 7,7 больше латифундий Германии. Если в России средний размер крупного имения начала XX века оценивался в 592 дес. (а среди экономии от 1000 дес. – 3767 десятины), то в Германии подобные показатели составляли 159 и 1350 гектар (или же 145,5 и 1235,7 десятин соответственно) [1, с. 25].

Грандиозную картину концентрации земельных ре-

сурсов в конце XIX – начале XX века в руках отдельных русских магнатов обобщила Л.П. Минарик. По ее данным, 155 помещиков (из как минимум из 102 семей) в совокупности владели 16,2 млн десятин [7, с. 140]. Таким образом, ограниченный круг лиц был собственником четверти всего дворянского и купеческого фонда России (65 млн десятин в 1905 году). При этом 34 комплекса владельцев помещиков объединяли 100 и более тысяч десятин каждый [7, с. 13–18].

Масштабы латифундиальности российского землевладения еще больше усиливаются, если учесть, что крупные помещики, как правило, были собственниками нескольких имений. По подсчетам Л.П. Минарик, из 102 семей 53 владели 3,4 млн десятин (64,1 тыс. десятин каждая), 44 семьи имели 8,6 млн дес. (195 тыс. десятин каждая), 5 семей распоряжались 4,2 млн дес. (по 840 тыс. десятин) [7, с. 21].

Земельная собственность каждой семьи латифун-

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 24–28–01520).

2 The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 24-28-01520).

дистов могла концентрироваться в десятках хозяйств, разбросанных по всей стране. Так, в начале XX века Орловы-Давыдовы владели не менее 16 имениями общей площадью 246 тыс. десятин [6, с. 113]. В числе прочего их собственность располагалась на территории Самарской луки, Воронежской, Тамбовской, Московской, Костромской, Орловской, Курской, Ярославской губерний. Высокие показатели территориальных разбросов поместий также характеризовали собственность семьи Воронцовых-Дашковых (21 имение), Юсуповых (21 имение), Бярятинских (8 имений), Шереметьевых (26 имений), Кучебей (19 имений) [1, с. 30]. Находясь в разных частях Империи, все перечисленные латифундиальные комплексы управлялись посредством главных контор имений (располагавшихся, как правило, в Санкт-Петербурге), а потому никогда не теряли связи со своим помещиком [5, с. 201–206].

Настоящем земельным магнатом была семья Строгоновых [13]. На рубеже XIX–XX века ей принадлежало 1518 тыс. десятин, из которой более 1455 тыс. десятин находилось в собственности сибирского помещика-горнозаводчика А.С. Строгонова [16]. Его племянник Павел Сергеевич Строгонов в начале XX века владел Осановское имением (853 десятины) в Тульской губернии [3, с. 41], и Кариан-Знаменское поместье в Тамбовской губернии (23952 дес.), а также ряд бывших экономий семьи Бутурлиных, перешедших к нему благодаря выгодной женитьбе на Анну Дмитриевну Бутурлиной (более 29 тыс. десятин в Харьковской, Таврической, Екатеринославской и других южных губерниях страны) [7, с. 45].

Важный фактор концентрации латифундиального землевладения России – чрезвычайно близкая родственная связь крупнейших земельных собственников. Родство не только сближало между собой владельцев поместий, но и объединяло их имения в единый административный и хозяйственный комплекс. Так, например, можно выделить близкородственный корпоративный союз Юсуповых, Ратьковых-Рожновых, Романовых, Мекленбург-Стрелицких. В начале XX века их совокупный фонд составлял 1,1 млн десятин. История родства была сложной и запутанной. Ф.Ф. Юсупов-младший был женат на Ирине Александровне Романовой, которая (за счет женитьбы Екатерина Павловна Романовой и Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого) имела тесные связи с Мекленбург-Стрелицкими и Ратьковыми-Рожновыми (В.А. Ратькова-Рожнова была женой графа Г.Г. Карлова, внука Екатерины Михайловны Мекленбург-Стрелицкой) [7, с. 23].

32 фамилии латифундистов России были объединены общими родственными связями по линии семьи Шуваловых. Сюда входили представители высшей дворянской аристократии страны – Воронцовы, Чертковы, Долгоорукие, Воронцовы-Дашковы, Волконские. Голицыны, Нарышкины и др. В совокупности данная группа объ-

единяла 7,2 млн десятин, Близкое родство имели также крупные собственники запада России, владевшие более чем 900 тыс. десятин. Преимущественно к ним относились землевладельцы польского происхождения, входившие в дворянскую элиту страны (Радзивиллы, Тышкевичи и др.) [7, с. 22–23].

Происхождение собственности русских латифундистов подчеркивает наследственный характер их поместий. Из 16,2 млн десятин и 155 земельных собственников России, проанализированных Л.П. Минарик, более 14 млн десятин (90%) были получены по завещанию и только 1,6 млн десятин приобреталось лично [7, с. 76].

При этом ядром земельных владений первых поколений помещиков являлось феодальное пожалование XV–XVIII вв. Именно эти раздачи закладывали базис будущего экономического благосостояния помещиков. Так, основой земельных богатств семьи Нарышкиных (186 тыс. десятин в 1905 году) были пензенские имения предков, переданные им еще во второй половине XVII века. При этом главным царским подарком стала Падовская вотчина (пожалована в 1681 год), на протяжении всей своей истории остававшаяся в руках Нарышкиных. В последующем земельную собственность семьи пополнило лесное поместье Шаморга (51 тыс. десятин) в Тамбовской губернии, пожалованное в середине XVIII века [12].

Источником земельных богатств семьи Юсуповых также явились царские раздачи. Еще в середине XVI века Иль мурза Юсупову, сыну родоначальника рода, были переданы дачи в Романовском уезде Ярославской губернии. В 1683 г. его внуку в том же уезде были отведены новые земли, составившие ядро будущего Корсунского имения (4865 дес.). Следующее крупное пожалование случилось уже при Петре I, когда Григорию Юсупову передавались Безводнинское и Керженецкое (7898 дес.), Милятинское (19 190 дес.) Перхуровское поместья. Наконец, в 1729 г. Юсуповым были подарены землями Ракитянское (23376 дес.), Веселовское (8171 дес.) и отчасти Писаревское (2955 дес.) владения [4, с. 139].

Заметно укрепляли состояние российских латифундистов выгодные браки. Из 8 млн дес. земли перешедшим к крупным собственникам в XVI–XVIII вв. более 2,4 млн десятин было получено благодаря приданому. Весьма характерный пример удачной свадьбы – объединение капиталов все того же рода Юсуповых. В середине XVIII в. из рода И.П. Акинфовой к ним перешло несколько владений недалеко от Тулы, в последующем составивших основу Спасо-Акинфиевского владения (1379 дес.). В первой половине XIX века из рода Зиновьевых Юсуповы получили сразу несколько сел в Помосковье, позже вошедшее в состав Труневского имения (3200 дес.), а также поселение в Тульской губернии (будущее Продовское поместье) площадью 4388 дес. [14, с. 12].

Путем наследования расширяли свое земельную площадь и Орловы-Давыдовы. К 1780-м годам значительная часть владений рода была сосредоточено в руках Василия Григорьевича Орлова. В 1780–1800 годах он приобрел владение Симбитлей в Симбирской губернии. Одновременно в собственность к роду перешли земельные владения Анны Ивановны Салтыковой, вышедшей замуж за Григория Владимировича Орлова. При этом в списке приданного оказались Староготьское владение в Тульской губернии, Рождественское имение в Курской, Богословская экономия в Орловской губернии, Марфино и Спасское под Москвой [10]. Данная земельная собственность составила костяк латифундиального хозяйства Орловых, которое во первой половине XIX века было разделено между дочерьми В.Г. Орлова, а в 1856 году собрано под фамилией Орловых-Давыдовых

С прекращением феодальных земельных раздач царского правительства основным фактором роста земельных накоплений латифундистов стала скупка имений. В первой половине XIX века крупные помещики приобрели 2,4 млн дес. земли, во второй половине – не менее 3,9 млн десятин [7, с. 75]. Интерес к приобретениям, усилившийся после реформы 1861 года, был связан как традиционным вниманием аристократии к земельной собственности, так и с формированием капиталистических полеводческих хозяйств, которое требовало новых площадей.

Благодаря активности на аграрном рынке во второй половине XIX века в число крупных латифундистов России выдвинулись Терещенко. К активным действиям их подтолкнуло участие в сахарном бизнесе и расширение своих свекловичных плантаций. К началу XX в. из купленных Николаем, Константином, Иваном, Федором и Семеновом Артемьевичами Терещенко владений выделялись два комплекса, один из которых принадлежал наследникам Николая и Федора, другой – Ивана и Константина. При этом основные владения семьи располагались в Курской губернии – Кульбакское (6346 дес.), Волфинское (9197 дес.), Попово-Слободское (4345 дес.), Дубровское (542 дес.), Леонтьевское (1686 дес.), Архангельское (5414 дес.), Викторовское (425 дес.) имения [8, с. 3-6].

В конце XIX – начала XX века для расширения посевов сахарной свеклы Терещенко приобретают Хинельское поместье (5115 дес.) в Орловской губернии и скупают поместья в Киевской губернии (Шукайводское (4618 дес.), Куцевское (4758 дес.), Головковское (13 119 дес.), Ромашковское (1687 дес.), Кирилловское (3095 дес.) имения). В это же время они смогли приобрести ряд владений в Волынской губернии (Андрушевское (16 935 дес.), Червоновское (16261 дес.), Коровинецкое (16935 дес.), Привитовское (5759 дес.), Мястовкое (4372 дес.), Прилепское (1615 дес.) имения), а также стать земельными собственниками Черниговщины (Веркиевское имение

(6610 дес.), Искровщинское имение (380 дес.) и ряд других экономий общей площадью 7 тыс. дес.). К 1910 годам Терещенко также владели землями в Харьковской, Екатеринославской и Симбирской губерниях (в совокупности более 4 тыс. дес.) [8, с. 3–6].

В число крупных помещиков Черноземья во первой половине XIX века выдвинулись Бярятинские (186 587 дес.). Основой их землевладения стали курские владения, перешедшие к ним по наследству. Среди них были поместья в с. Крупецком (22 029 дес.), с. Ивановское (15 569 дес.), с. Нижние Деревеньки (10736 дес.), с. Снагость (14566 дес.), с. Знаменское (553 дес.), с. Любимовское (2547 дес.), с. Толстый Луг (727 дес.), с. Корнево (1306 дес.). Из купленных в 1840-е гг. имений у Бярятинских в XX в. остались Драбовское поместье в Полтавской губернии (14 270 дес.), Вячкинское поместье Тамбовской губернии (7424 дес.), Константиновское поместье в Курской губернии (730 дес.), имение Воейково в Орловской губернии (400 дес.) и экономия Анна (19 789 дес.) в Воронежской губернии. В 1896 г. у князя Любомирского были приобретены еще три имения в Волынской губернии: Иванье (10 444 дес.), Дубно (14 096 дес.) и Речицы (11715 дес.). Здесь же им фактически принадлежал город Дубно [9].

Характерной особенностью развития крупного землевладения в пореформенной России являлась однородность сословного состава владельцев. По свидетельству Л.П. Минарик, в группе латифундистов страны в конце XIX – начале XX века продолжало господствовать дворянство. При этом среди крупных помещиков, по подсчетам специалиста, доля дворян была значительно выше, чем в целом по стране. Из 155 крупнейших земельных магнатов только 6 были не из высшего сословия [7, с. 19]. Это были самарские купцы Мальцевы, Шихобаловы и Аржановы, уральские горнозаводчики Зотовы и Каменские, потомственный почетный гражданин С.В. Агарков. В совокупности они владели 1087 тыс. дес. земли.

Изучение динамики землевладения дворянских собственников показывает, что аристократы-латифундисты были не только самыми крупными землевладельцами страны, но и в наименьшей степени были подвержены оскудению. По подсчетам Л.П. Минарик, в 1900–1915 гг. 155 крупнейших земельных собственников России потеряли не больше 0,5 млн десятин, или только 3% к площади своих владений [7, с. 19–20]. И хотя сама исследователь признавала, что «в связи с неполнотой источников» точно учесть все потери помещиков нельзя, данные по отдельным имениям и группам владельцев подтверждают общую достоверность этих данных. Так, Орловы-Давыдовы свои основные приобретения делают именно во время массового оскудения дворянства второй половины XIX века. В то время как в 1862–1905 гг. землевладение российского дворянства уменьшилось на 41%

(с 87 169 тыс. дес. до 51 248 тыс. дес. [15, с. 85], Орловы-Давыдовы приобретают Новопокровское владение Волконских в Тамбовской губернии, Глоднево Городище Кушелевых-Безбородко, покупают землю при деревне Отважная (609 дес.) и Моркваша (1471 дес.) в Симбирской (15200 дес.), Чигольскую дачу в Воронежской губернии. В результате в 1883 году их собственность возрастет до 221274 дес. [11].

На параметры мобилизации магнатского землевладения России большую роль оказывала корпоративность в покупках и продажах латифундиальных имений. По наблюдениям Л.П. Минарик, в подавляющем числе случаев сделки по продаже крупных имений совершались между представителями одного и того же сословия, то есть дворянство, являющееся основным латифундистом, почти всегда продавало свои земли дворянству. Так, вотчины Шуваловых на Саратовщине (Софьинская, Завьяловская) были куплены М.С. Волконским, С.П. Дервиз продал свое Мироцкое имение И.И. Воронцову-Дашкову, С.П. Дурново приобрел имение Каменка у Всеволожских и т.д. [7, с. 37]. Таким образом, в группе крупных владельцев происходило внутреннее перераспределение собственности, которая практически не отражалась на площади крупного землевладения страны.

Чрезвычайная устойчивость латифундистов на аграрном рынке определялась также значительной поддержкой аристократов государственной власти. Одной из составных частей этой поддержки было законодательное ограждение помещичьей собственности от раздробления и распродажи, т.е. учреждение майоратов. История майоратного землевладения в России изучена А.М. Анфимовым [2] и Л.П. Минарик [7, с. 36-40]. По подсчетам Анфимова, в России к началу XX в. под майоратами было 3 339 875 дес. всей помещичьей земли (без различия площади и категорий помещиков). Определение доли крупных майоратных собственников, изучаемое Л.П. Минарик, показало значительную монополизацию заповедных земель в интересах крупнейших владельцев. В группе 155 латифундистов в майоратах числилось 2658 тыс. дес., или 80% от их общей площади. Таким образом, отмечала Л.П. Минарик, царское правительство проводило целенаправленную политику поддержки земельной собственности не всего помещичьего класса, а только его верхушки.

Крупнейшие помещики страны находились под особым покровительством государства. Две трети землевладения России стало майоратной в пореформенные годы, особенно в конце 1890-х – начале 1900-х годов. Тогда были превращены в майораты имения И.М. Тышкевича, Терещенко, Р.В. Сангушко, И.А. Потоцкого, С.Д. Шереметева, А.В. Барятинского, ряд имений С.В. Орлова-Давыдова, С.С. Абамелек-Лазарева, А.А. Мордвинова, И.И. Воронцова-Дашкова и др.

Обработка материалов фонда Государственного Дворянского земельного банка показала, что к началу XX в. в залоге банка находилось 1,1 млн дес. земли 155 крупнейших помещиков страны, т.е. 1/4 часть их землевладения. Число заложенных имений достигало 200, или 1/3 имений всей группы (всего в группе было 602 имения). Владельцам заложенных имений (50 фамилий) были выданы ссуды общим размером 83,7 млн. руб., т.е. в среднем каждому по 1,6 млн. руб. [7, с. 37–38].

Экономическая выгода майоратного землевладения для помещиков выражалась еще и в колоссальных денежных кредитах, получаемых владельцами под залог своих земель. Так, в 1900 г. размер ипотечного долга Балашовых оценивался в 7 млн. руб., в том числе за Симскую горнозаводскую дачу – 1195 тыс. руб., за Шпиковское имение – 1232 тыс. руб., за Мошногородищенское – 4341 тыс. руб., за Чибирлей – 779 тыс. руб., за Никольский завод – 123,9 тыс. руб., за Широкий Уступ – 193,8 тыс. руб., за Дубовик – 261,4 тыс. руб. За исключением доли Е.А. Балашовой в пермском владении своего отца, более 70% ее собственности находились в залоге Государственного Дворянского земельного банка [7, с. 38].

Другой формой государственной помощи крупным аграриям являлась выдача государством соло-вексельного кредита под залог их имений. Как правило, он предназначался для развития сельскохозяйственного производства в имениях. При этом крупнейшие латифундисты пользовались очень высоким по своим размерам соло-вексельным кредитом. Первое место среди таких заемщиков был П.И. Харитоненко, взявший заем на 6 млн. руб. Параллельно этому Юсуповы под залог Ракитянского имения пользовались кредитом в размере 300 тыс. руб., Клейнмихель – в 223 тыс. руб., С.А. Уваров – 144 тыс. руб., Бобринские (по неполным данным) – 15 тыс. руб., А.П. Струков – 21 тыс. руб. и т.д. [7, с. 38].

Залог земель в банках не только ограждал поместья от разоряющего дробления и продажи, но и давал дополнительный капитал помещику. Эффективность расходов заемных средств неизвестна, однако примеры по отдельным поместьям позволяют предположить, что значительная их часть их была затрачена и на поддержку хозяйственной модернизации имений. Так, под строительство сахарного завода П.И. Харитоненко взял кредита на 6 млн. руб. для развития промышленного производства Ракитянского имения. Юсуповы кредитовались на 300 тыс. руб., а Клейнмихель для развития своих санкт-петербургских поместий занимал в Государственном банке 223 тыс. руб. [7, с. 38].

Таким образом, характерной особенностью развития помещичьего землевладения России был ее высокий латифундиальный характер. На протяжении всего пореформенного периода наблюдалась высокая концентрация частных имений в руках незначительной группы вла-

дельцев, преимущественно представлявших из высшей дворянской аристократии. При этом большая часть их земельного фонда имела давнюю историю и поступила в собственность аристократии через феодальное пожалование еще в XV–XVIII вв. В пореформенное время расширение латифундиальной земельной собственности продолжалось за счет активности магнатов на аграрном

рынке. При этом дополнительным фактором устойчивости крупного землевладения явилось создание майоратов, законодательно ограждавших помещичьи владения от разоряющего дробления и продажи. Майоратное законодательство, а также личный интерес помещиков в приобретении новых земель превращало их наиболее устойчивый тип земельных собственников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство европейской России. (Конец XIX – начало XX в.). Москва: Наука, 1969. 394 с.
2. Анфимов А.М. Майоратное землевладение в царской России // История СССР. 1962. № 5. С. 151–159.
3. Дворянское сословие Тульской губернии / В.И. Чернопяттов. В 13 т. Т. 4 (13): Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождений их поместий в Тульской губернии. 1903–1910 гг. Москва: тип. Л.В. Пожидаевой, 1910. 141 с.
4. Житин Р.М., Топильский А.Г. Некоторые особенности территориальной концентрации российских имений и проблема сословной характеристики их владельцев в конце XIX – начале XX века // Оригинальные исследования. 2023. №10. С. 137–143.
5. Житин Р.М. Социальные характеристики административного аппарата Ново-Покровского имения графа А.В. Орлова-Давыдова // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 11. С. 200–207.
6. Житин Р.М., Кончаков Р.Б. Иностранные машины и оборудование в инфраструктуре крупной капиталистической вотчины. На материалах Ново-Покровского имения в Тамбовской губернии [Текст] / Р.М. Житин, Р.Б. Кончаков // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 4 (120). 2013. С. 112–118.
7. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в.: землевладение, землепользование, система хозяйства. Москва: Издательство «Советская Россия», 1971. 145 с.
8. Описание имений наследников Ф.А. Терещенко. Киев: тип. Петра Барского, 1900. 95 с.
9. ОР РГБ. Ф. 19. Д. 125. Л. 1.
10. ОР РГБ. Ф. 219. Д. 25. Л. 5.
11. РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 958. Л. 2.
12. РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1 Д. 237. Д. 244.
13. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ч. I. Д. 263. Л. 1
14. Сивков К.В. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века: по материалам архива Степных вотчин Юсуповых. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 252 с.
15. Федосеев Р.В. Динамика дворянского землевладения в Среднем Поволжье во второй половине XIX – начале XX вв. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 83–86.
16. Шустов С.Г. Земельные владения рода Строгановых на Урале (1558-1917 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. №6 (22). С. 38–45.

© Топильский Алексей Геннадьевич (a-topil@yandex.ru), Житин Руслан Магомедович (istorik08@mail.ru),
Облицов Максим Анатольевич (Mr.MaximOblitsov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»